

ГЛАВА I

ЕСЛИ ПОДПОЛКОВНИК КРАСИТ ГУБЫ

Контрразведчики — такие же люди, как все. Только вдобавок к тому, что умеют всё, они ещё стреляют в темноте на звук, водят всё, что имеет колёса, и могут голыми руками свернуть кому-нибудь голову. Они бегают, плавают и прыгают с парашютом, как спортсмены-перворазрядники, знают шифры, яды, иностранные языки и название вулкана Попокатепетль.

Некоторым это покажется странным, но при всём при том, контрразведчики не сквернословят и не задираются с прохожими. Они даже головы противникам сворачивают лишь в самых крайних случаях и безо всякого удовольствия. Им совершенно не хочется выглядеть крутыми, потому что они на самом деле крутые.

А в остальном они самые обычные. У многих есть семьи, которые очень волнуются, если их контрразведчик не ночует дома. Когда он приходит наутро, усталый и озабоченный, семья кидается ему на шею и кричит:

- Мама, что случилось?!
- Оля, ты бы хоть позвонила!

Блин — охотник за ворами

Контрразведчик чмокает мужа в щёку и объясняет:

— Извини, Олег. Я была не у себя и не хотела звонить при посторонних.

А сына контрразведчик чмокает в лоб и говорит:

— Ничего особенного не случилось, Митёк. Я стенгазету рисовала.

После этого контрразведчик запирается в ванной. А его семья, то есть ботаник Олег Блинков и восьмиклассник Дмитрий Блинков-младший, переглядывается и начинает хохотать.

— А что? Логично! Когда ещё стенгазету рисовать, как не ночью?! — замечает старший Блинков.

И они отправляются на кухню варить сосиски для своего любимого контрразведчика.

Да, такой уж человек мама. Самый родной и самый скрытный.

В прошлый раз она исчезла на двое суток. А потом вдруг в новостях по телику показывают: контрразведка захватывает склад подпольных торговцев оружием. Рослые бойцы в бронежилетах забрасывают подвал светошумовыми гранатами, врываются и укладывают преступников лицом на пол. Командует операцией невысокий хрупкий человек в джинсах и кожаной куртке. Его лицо закрыто натянутой до подбородка шапочкой-маской. В руке автоматический пистолет Стечкина. А на пальце — знакомый перстенёк с бриллиантовой пылью. Телеоператор показал его крупным планом. На перстенёке крошечные щит и меч. Сослуживцы подарили его маме к тридцатилетию. Перстенёк делали по заказу специально для неё, и второго такого нет.

Думаете, после этого мама призналась, что брала опасных преступников?! Дудки! Она молчала, как партизан на допросе! А перстенёк, знакомый теперь миллионам телезрителей, сняла и навсегда убрала в шкапулку. Вот и всё. Расспрашивать её было бесполезно.

Вода в душе лилась минут пять, а потом настала непонятная тишина. Время от времени за дверью ванной позвякивали какие-то флакончики. Мужчины сидели на кухне и, чтобы убить время, вели пустой разговор. Старший Блинков зачем-то смотрел на часы и спрашивал:

— Значит, первого сентября тебе в школу?

— Ага, — подтверждал Блинков-младший. — А ты на работу не опоздаешь?

Старший Блинков опять смотрел на часы и отвечал:

— Так сегодня же суббота. Я могу вовсе не ходить.

— Но ведь пойдёшь?

— Смотря какие планы у мамы. Но вообще-то мне надо поработать с венесуэльским гербарием, — солидно говорил старший Блинков.

Этим летом папа работал в Венесуэле и чуть не погиб. Так чем, вы думаете, он гордился? Не тем, что сутки выбирался из джунглей со сломанной ногой, и не тем, что заработал кучу денег, а тем, что гербарий собрал!

Наконец мама вышла из ванной, и мужчины ахнули. Она перекрасила волосы! Была русая, а стала яркой блондинкой.

— Ну как? — спросила мама.

— По-моему, ты устала, — уклончиво ответил старший Блинков.

Блин — охотник за ворами

Честно говоря, мама была похожа на парикмахершу, которая от нечего делать пробует на себе все краски.

— Это для дела, — улыбнулась она. — Митёк, на-день выходные брюки, пойдём с тобой в музей.

И мама как ни в чём не бывало стала есть остывшие сосиски.

— Ну, раз вы в музей, то я на часок съезжу к себе в Ботанический сад, — с плохо скрытой радостью объявил старший Блинков.

Момент был выбран точно. Мама не успела прожевать сосиску, а говорить с набитым ртом не стала, потому что отучала от этого Блинкова-младшего. Она только шумно вздохнула, и папа быстренько умчался к своему ненаглядному венесуэльскому гербариию. Работу он обожал. Жену и сына — тоже, но в свободное от работы время.

Дверь за ним захлопнулась как раз в ту секунду, когда мама проглотила последний кусок.

— Мальчишка, — сказала она про старшего Блинкова. — Митёк, если бы ты так ходил в школу, как папа на работу, то я была бы самой счастливой матерью в Москве.

— Я хожу, как все. Без воплей радости, но добросовестно, — буркнул Блинков-младший и поплёлся надевать выходные брюки.

Он эти дурацкие брюки ненавидел тем сильнее, чем быстрее из них вырастал. За лето они превратились в орудие пытки. Ходить в них приходилось по кукольному, не сгибая ноги. Блинков-младший изо всех сил приближал момент, когда брюки лопнут. Например, сейчас он поприседал и даже попытался сесть на шпагат. Подлые брюки трещали, но не рвались.

Пока он боролся с брюками, мама перебралась к себе в комнату. Она сидела у зеркала и занималась немислимым для подполковника контрразведки делом: красила губы. Блинков-младший в первый раз увидел маму за таким ерундовым занятием. У неё и помада-то водилась только гигиеническая, бесцветная.

Мама взглянула на него, и лицо у неё вытянулось.

— Нет, Митёк, ты не сын миллионера, — вздохнула она. — Придётся опять влезть в папины венесуэльские деньги. По дороге купим тебе что-нибудь поприличнее.

Блинков-младший совсем не обрадовался. Венесуэльские деньги таяли, как лёд в кипятке, а он мечтал о зеркалке.

— Лучше бы сэкономить на штанах, добавить и купить зеркалочку. Можно самую скромную... из двадцатичетырёхмегапиксельных.

— А у тебя в телефоне разве не двадцать четыре? — не поняла мама.

— В смартфоне, — в тысячный раз поправил Митька. — Смартфон — это умный телефон.

— Единственный сын, по-моему, ты заговариваешь мне зубы. Так сколько?

— Двадцать четыре и есть, — признал единственный сын. — Мама, но это камера в смартфоне! Она видит, как рыбий глаз. На крупных планах получаются не лица, а кувшинные рыла.

Мама только развела руками.

— Не замечала, — кивнул Митька. — Почти никто не замечает — все привыкли. А вот появятся встроенные камеры с человеческим взглядом, и все обратно

Блин — охотник за ворами

привыкнут к нормальным лицам. Представляешь, что увидят на фотках твои внуки? Бабушку — кувшинное рыло и дедушку — кувшинное рыло!

— А ты хочешь, чтобы они увидели свою маму. Которой засвербело распечатать собственный портрет до размера фотообоев, тебе ведь для этого понадобилась зеркалка?

Мама схватила Блинкова-младшего за шею, пригнула голову к себе и зашептала в ухо:

— Митяй, это твои отношения, я в них не лезу. Но хочу дать справку. Девчачьи хотелки чаще всего надуманные. Ей неважно, что требовать, портрет, мороженое или луну с неба, важно, чтоб ты ответил «тяф!» и бросился исполнять.

Митька поёжился. Он и сам видел, что Ирка часто капризничает, гоняет его просто так. Но в мамином описании это выглядело гаденько. Особенно «тяф!».

— Мам, а не вы ли с папой меня учите...

— ...Помогать слабым. Это не то же самое, что выполнять капризы. Проведи границу, если хочешь сохранить отношения... Всё, нам некогда. — Мама оттолкнула Митьку и стала копаться в сумочке. — Подумай, что тебе купить, чтоб выглядел богато, но без вызова. Как бы повседневная одежда «золотого мальчика». Ты ведь работал на вилле у банкира, всё видел.

Митька хотел поправить, что у банкира он только бывал, а работал в детском саду для богатеньких буратин. Но прикусил язык. Потому что мама, не найдя в сумочке что-то нужное, вытряхнула её на подзеркальник. Первым тяжело бухнулся автоматический пистолет Стечкина, и его сразу засыпало бархатными коро-

бочками для украшений. Одна коробочка раскрылась, и в глаза так и брызнуло сияние золота и бриллиантов. Блинков-младший мысленно взвыл. Всё! Плакали венесуэльские денежки! Прощай, зеркалка!

— Не переживай, — поймав в зеркале его осуждающий взгляд, сказала мама. — Это я не купила, а взяла на время. На такое кольцо нам с папой не заработать за всю жизнь.

Бриллианты сверкали, как крошечные прожекторы. Колье было толщиной с собачью цепь. Мама застегнула его на шее и стала примерять кольца. Пальцев на обеих руках не хватило.

— Чем аляповатее, тем лучше, — заметила себе под нос мама и стала нанизывать на каждый палец по второму кольцу.

В зеркале отражалась как будто и не она, а чужая женщина, лет на десять моложе и раз в сто легкомысленней. И этого платья у мамы раньше не было: блестящая чёрная труба в обтяжку, без рукавов и прочих излишеств. Очень короткая труба.

И тут Блинков-младший всё понял. Ох, не картинки смотреть идёт в музей подполковник контрразведки! А раз она берёт с собой сына, то, выходит, ему отводится роль прикрытия! Со стороны взглянуть — ничего особенного: расфуфыренная мамаша водит по музею сыночка. Водит, водит... И неизвестно, кого ещё она при этом «ведёт», как говорят сотрудники спецслужб, когда за кем-нибудь следят.

— Мам... — начал Блинков-младший.

Ответный взгляд в зеркале был строг и ясен. Как обычно, мама поняла его раньше, чем он успел договорить. И приказала глазами: «Молчи!»

Блин — охотник за ворами

— А ты говоришь, зеркалка. Жизнь иной раз так летит, что увёртываться не успеваешь, не то что фотографировать! — улыбнулась мама и подмигнула Блинкову-младшему.

Превращение подполковника контрразведки в богатую дуру продолжалось. На свет появилась пыльная коробочка с набором косметики. В позапрошлом году маме подарил его на Восьмое марта папин аспирант Виталий. С тех пор она доставала набор по большим праздникам, рассматривала, вздыхала и убирала обратно. Блинков-младший подозревал, что мама просто не умеет краситься.

Сейчас она решительно взялась за дело. Раскрыла коробочку, плюнула в засохшую тушь и стала яростно возить в ней щёткой. Движения у мамы были такие, как будто она чистила ботинки.

— Иди пока погуляй, Митёк, — сказала она. — Может, подстричься успеешь?

Блинков-младший с писком слотнул. Всё лето он отращивал волосы, чтобы первого сентября прийти в школу с хвостиком, как у одного молодого банкира в кино. Он уже и резинку приготовил. А теперь нате — стричься! Говорить маме про хвостик было нельзя. Некоторых вещей она совершенно не понимала.

— Что ты! В парикмахерской знаешь какие очереди?! — заохал Блинков-младший и поскорее отступил в прихожую, пока мама не заглянула ему в глаза. По глазам она легко узнавала, когда он врёт. А если прятать глаза, узнавала ещё легче.

— Вопрос не снимается! — вдогонку ему крикнула мама.

Вместо ответа Блинков-младший в два прыжка долетел до двери и выскочил на лестницу. Пусть считается, что он ничего не слышал.

А всё-таки интересно: что там произошло, в музее? Обдумывая это дело, Блинков-младший открыл одну закономерность или скорее народную примету: ЕСЛИ ПОДПОЛКОВНИК КРАСИТ ГУБЫ, ЭТО К СЕКРЕТНОЙ ОПЕРАЦИИ!

ГЛАВА II

ЭТА ВРЕДНАЯ ИРКА

У подъезда стоял чёрный «Мерседес». Выставив локоть в открытое окно, за рулём сидел верзила с наголо остриженной головой, исчерченной белыми зажившими шрамами. Голова была похожа на заплатанный футбольный мяч. Под пиджаком у верзилы топорщился пистолет.

Оружью Блинков-младший не удивился. В такой тачке телохранитель неизбежен. Другое дело — чей это «мерс». Дом у Митьки был хороший, кирпичный. В почтовый ящик то и дело бросали объявления: «Куплю квартиру в этом доме на выгодных для вас условиях». И покупали, и вселялись небедные люди. Но машины круче «Ауди» ни у кого не было.

Разумеется, Блинков-младший не стал глазеть на «мерс», как пастушонок на биплан¹. Он только на всякий случай запомнил номер и пошёл к помойке.

---

¹ Б и п л а н — это самолёт с двумя несущими поверхностями (крыльями), как правило, расположенными одна над другой.

Блин — охотник за ворами

Позади помойной ограды была ничейная земля, на которую не пускали играть малышня, а взрослые не ставили свои машины. Ну а когда есть на свете что-то совсем никому не нужное, оно достаётся молодёжи. Блинков-младший к этому привык и не обижался. Лавочки — для бабулек, потому что они заслужили спокойную старость. Песочницы — для маленьких, потому что дети — наше будущее. Остальной двор — для автомобилей, потому что взрослые вообще правят миром. А ты сиди за помойкой на чьём-то выброшенном холодильнике. Такова жизнь.

Сейчас на холодильнике сидели Ломакина, Суворова и Кузина Ирка.

Суворова надувала пузыри из жвачки, делала селфи и кому-то отправляла. Она совсем отмороженная. Ещё бы, когда у неё старшая сестра — известная фотомодель Нина Су.

— Блинок! Иди к нам, сфотаемся! — крикнула Суворова, и не подумав втянуть жвачку в рот.

Пузырь, конечно, лопнул при первом же звуке, украсив Суворову розовыми ошмётками. Она сняла очередное селфи, посмотрела на экран, восхитилась и отправила фотку адресату. Тем временем Ломакина изображала для Митьки «улыбаемся и машем».

А Ирка отвернулась.

Сердце у Блинкова-младшего рухнуло в живот. Вдруг Ломакина и Суворова проболтались?

Он целовался со всеми тремя. С Ломакиной и Суворовой одновременно, потому что они были лучшие подруги и все делали вместе. С Ирккой по любви, а с Ломакиной и Суворовой по непреодолимым обстоя-

ятельствам. Подружки с кем-то поспорили, что перецелуют всех мальчишек в классе. Блинков-младший от них бегал и портил всё дело. Тогда они поймали его во дворе и заставили выбирать: поцелуй или по башке ботинком. А ботиночки были — крутое ретро, раньше обе пары принадлежали Нине Су. У Суворовой фирменные гриндерсы с окованными полированной сталью носками, у Ломакиной армейские берцы с килограммом заклёпок для красоты. И Блинков-младший не смог отказать девушкам.

Эта история была давняя, ещё июньская. Но с тех пор они не виделись, потому что разъехались на каникулы. Конечно, сейчас Блинкову-младшему совсем не понравилось, что Ломакина и Суворова сидят вместе с Ирккой. Они могли проболтаться, а Ирка человек фантастически ревнивый и вредный. Почему она отвернулась? Знает про Ломакину и Суворову или ещё не простила его за Энни? (С Энни тоже получилась история, в которой Блинков-младший был не виноват. Ну, спас он её от преступников, а Энни чмокнула его в щёку. А что ей было делать, кусаться?)

С такими мыслями Блинков-младший подошёл к холодильнику. Ломакина, сидевшая с краю, подвинулась, а Ирка, сидевшая с другого края, и не подумала. Она считала, что права на все сто. Блинков-младший считал так же, но про себя. Поэтому они всегда ссорились.

Он сел рядом с Ломакиной, поглядел, в какую сторону смотрит Ирка, и стал смотреть в другую.

— Блин! Мы так тебе противны, что ты помойкой любишься?! — возмутилась Суворова. — Туда не смотри, сюда смотри!